ОрБЗ.3
С 12

Вильям Савельзон

# Оренбургская история в лицах

портреты на фоне эпохи

Ор63.3
С-12

ВИЛЬЯМ САВЕЛЬЗОН

Ор63.3
63.3(2Рос-40Ре)-8

# Оренбургская история в лицах

## Портреты на фоне эпохи

*Издание второе, дополненное и переработанное*

а-296726

Оренбург - 2007

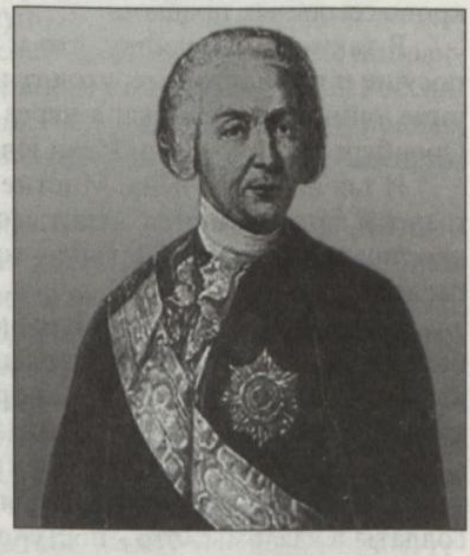
ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
"ОРЕНБУРГСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им.Н.К.КРУПСКОЙ"

# III.
# ОРЕНБУРЖЦЫ

## 1.
## "ПТЕНЦЫ ГНЕЗДА ПЕТРОВА"

*КИРИЛОВ Иван Кириллович (1689 - 1737)*
*ТАТИЩЕВ Василий Никитич (1686 - 1750)*
*НЕПЛЮЕВ Иван Иванович (1693 - 1773)*

*В. Н. Татищев*



*И. И. Неплюев*

...1743 год. Сквозь дождь со снегом глух стук топоров и лопат, смазаны фигурки людей, хлопочущих у первых домов крепости, вырастающей на крутояре Урала. Хрипло дыхание, лапти размокли, рогожки не спасают от ледяной сырости.

Но и одетого по-господски пятидесятилетнего рослого и дородного человека непогодь достает, а он неторопливо обходит стройку, указания дает властно и знаючи.

К темну пошабашили. Новопоселенцы - рабочие, казаки, крестьяне и бог знает еще какого рода-племени люди, согнанные сюда на строительство, скорее по землянкам. Обсушиться, похлебать горячего.

Австралия поначалу заселялась каторжниками, и австралийцы даже гордятся этим пикантным обстоятельством. Так и Неплюев,

чтобы быстрее заселить оренбургские необжитые просторы, добился, чтобы крестьян, бежавших в эти вольные места, оставляли тут с причислением в казаки. По его ходатайству Сенатом был издан Указ, по которому в Оренбург на житье ссылали преступников из купцов, мастеровых и ремесленных людей, "дабы в том новом месте промышленных мастеровых, ремесленных и купецких людей умножено быть могло". Сенат издал Указ об оставлении в крепостях Оренбургской губернии беглых и "не помнящих родства".

А Елизавета от себя издала Манифест: "Простить всех приговоренных уже к смертной казни, сосланных в каторжные работы, хотя бы и навечно, освободить. У которых ноздри вынуты или другие знаки положены - тех послать в Оренбург". Вот такая генеалогия у многих коренных оренбуржцев, в жилах которых бушует дерзкая, буйная кровь ссыльных предков.

В такую же землянку, что и у первостроителей, только, может, посуше и попросторнее, уходит и он, начальник стройки в высоком чине тайного советника, а через год и губернатор всей обширной Оренбургской губернии Иван Иванович Неплюев.

И так изо дня в день. Многие подчиненные недоумевают, возмущаются, посмеиваются: чудит, мол, его превосходительство. По придворному чину соответствие - гофмаршал, в Петербурге во дворце бы жил.

Конечно, Неплюеву стоило бы приказать - и тут же ему поставили бы дворец не дворец, но теплый большой дом. И не раз, наверно, вынужденные вести такой же образ жизни его приближенные намекали, хватит, мол, жить, как согнанное на стройку мужичье.

Но он был тверд. И перешел в отстроенный для него дом только тогда, когда все обитатели землянок смогли переселиться в дома, а солдаты в казармы. Это - поступок. Такой он был человек. Неплюевский кумир Петр Великий, доведись ему строить Оренбург и стоять на берегу пустынных волн Урала, поступил бы точно так же.

Когда Неплюев вернулся после учения за рубежом, Петр, чтобы поучить, как надо руководить большим делом, показал ему свои ладони:

"Видишь, братец, я и царь, да у меня на руках мозоли; а все оттого: показать всем пример и хотя бы под старость видеть мне достойных помощников и слуг отечеству".

И Ивану Ивановичу Неплюеву, и его предшественникам по оренбургской эпопее Ивану Кирилловичу Кирилову и Василию Никитичу Татищеву повезло стать учениками и сподвижниками самого мощного реформатора России.

Показательно название книги И.К.Кирилова, это его характеристика всей петровской эпохи: "Цветущее состояние Всероссийского государства, в каковое начал, привел и оставил неизреченными тру-

дами Петр Великий, отец отечества, император и самодержец всероссийский и прочая, и прочая, и прочая".

Воспитанные на петровских принципах служения Отечеству, они после смерти Петра, когда стала затухать инерция мощного толчка и властвовали люди малодостойные, продолжали великое дело.

Пушкин нашел точный образ: "Птенцы гнезда Петрова". Это дало им силы свершить так много, для Оренбуржья в частности. И в то же время неминуемо навлекало опалы, ибо приспособиться к временщикам на царском троне и у его подножья они не могли. И не хотели.

Ведь знал же Василий Никитич Татищев, отдавая под суд вора и взяточника члена Берг-директориума барона Шемберга, что тот - ставленник самого Бирона, фактического правителя России. Татищев, можно сказать, сознательно навлекал на себя расправу. Но иначе поступить не мог, не предал петровские идеалы.

Вспомним, как напутствует в пушкинской "Капитанской дочке" сына на службу в далекий Оренбургский край старик Гринев, оппозиционно настроенный к тому, что творилось в послепетровской России:

"Служи верно, кому присягнешь... на службу не напрашивайся; от службы не отговаривайся; и помни пословицу: береги платье снову, а честь смолоду".

А в бумагах Пушкина сохранился очерк "В.Н.Татищев". И надо полагать, знал Александр Сергеевич татищевскую "Духовную", вот этот из нее отрывок, перекликающийся со словами Гринева:

"Родитель мой, отпуская меня с братом в службу, сие нам накрепко наставлял, чтобы мы ни от какого положенного на нас дела не отрицались и ни на что сами не назывались".

Конечно, все отцы-основатели Оренбуржья были людьми своей эпохи, и тот же Татищев, блестящий знаток культуры просвещенного Запада, человек, энциклопедически образованный, подавил, будучи начальником Оренбургской экспедиции, восстание башкир, выступивших с оружием в руках против движения России на Юго-Восток.

Но тут же он добился смертной казни для капитана Житкова за то, что тот "с командой... без всякой причины грабил башкирские деревни, избивал и вешал население". Башкиры, узнав о поступке Татищева, перестали бунтовать. И сокрушался он от бессилия: другого преступника, злоупотребляющего своими полномочиями, майора Бронского тоже хотел жестоко наказать, но не петровские уже были времена, вывернулся майор, видимо, использовав заступничество покровителей. И башкиры, "увидя, не токмо с повинною не пошли, но и новой бунт воздвигнули, коль же паче известно, что многие командиры для такого лакомства, забыв свою должность, мечутся за пожитками".

То, что при Петре было нормой, теперь становилось донкихотством, чудачеством, чаще всего опасным.

Обращаясь к реформам Петра, понимаешь, насколько важным для их успеха было еще одно обстоятельство: ценились главным образом и прежде всего ум, знания, дельность человека. Такого не было ни до, ни - увы! - после, вплоть до нынешних времен.

Ну ладно, род Неплюевых древний, они родня Романовым. А что до неблагозвучной фамилии, то и она - "свидетель старины глубокой": предок, носивший и вовсе прозаическое прозвище Кобыла, отказался жениться из политических соображений на дочери всесильного князя. Хотя и выслушал при этом зловещую пословицу "Не плюй в колодец, пригодится воды напиться". Когда же грянул гром, чтобы спасти жизнь, этот предок был все же вынужден жениться, а потомки его получили на память фамилию Неплюевы.

Но Кирилов-то всего-навсего сын дьячка, и в другие времена никогда бы ему не подняться. А Петр заметил его способности и прилежание и сделал секретарем, дал возможность стать большим ученым и администратором.

Кирилов, Татищев, Неплюев в общем смысле были созданы Петром. В их биографиях и Навигацкая школа, и гардемаринство, ученье и военная и дипломатическая служба в Швеции, Италии, Испании, Германии, Голландии, Польше, Англии, Турции...

И исследования России от западных границ до Камчатки, обустройства громадных территорий. Сражения на суше и морях. Географические, исторические, юридические труды и мемуары...

А если взять только их деятельность в Оренбуржье, то они исполнили одно из заветных желаний Петра Великого. В 1722 году, во время персидского похода, он дал точную формулировку того, чем занялся бы, будь у него развязаны руки на Западе и отведи ему судьба еще десяток-другой лет: "Киргиз-кайсацкая орда всем азиатским странам и землям... ключ и врата".

Киргиз-кайсацкая орда - это то, что к югу от реки Урал.

Каждый из них троих основал на берегах Урала свой Оренбург. И замечательно, что все основополагающие действия: и "Привилегия" Анны 1734 года на "первый Оренбург", и основание нынешнего Оренбурга в 1743 году, и закрепивший появление города на этом окончательном месте "Именной указ" Елизаветы 1744 года - приходились на весну - начало лета, пору надежд и расцвета природы.

Теперь по порядку. Иван Кириллович Кирилов, назначенный императрицей Анной Иоанновной начальником Оренбургской экспедиции, которая поначалу для секретности звалась просто "известной", основал в 1734 году Оренбург там, где в Яик впадает река Орь и где теперь Орск. Название это - в переводе "город на реке Орь" - осталось за городом и после, когда он "кочевал" на запад, и называется он теперь, как мы уже говорили, нелогично, но традиция есть традиция. Кроме этого, Кирилов основал еще два десятка крепостей и форпос-

тов, которые стали основой создававшихся оборонительных линий по Яику и Самаре.

Конечно, он и другие отцы-основатели губернии и Оренбурга не были ангелами. Тот же Кирилов бывал и легкомыслен, к примеру, в основанном им "первом Оренбурге" он объявил, что будет строить металлургическое производство по выплавке серебра. Понятно, очень хотелось ему, чтобы новые места начали сразу давать стране что-то существенное. Но ни руд, содержащих серебро, ни лесов для металлургического производства не было, и затея вышла пустопорожней.

И место для губернского города оказалось неудачным, Орь затопляла низины, да и слишком на восток от стратегически нужного направления для будущего наступления на юг. Любопытно, что Кирилов, совершив поход-путешествие по часовой стрелке, по кругу: Самара-Уфа-Верхнеяицкая крепость-Оренбург (Орск) - вернулся в Самару по крутому правому берегу Урала как раз через место, где через девять лет его последователь Неплюев заложит окончательный, более удобный "третий Оренбург". Почему бы ему самому, Кирилову, не догадаться сделать это?

Так что, чтобы не было путаницы, повторю: подписанная Анной Иоанновной "Привилегия городу Оренбургу" относится к тому, первому, орскому Оренбургу. И содержит основную цель: "Изобрели вновь построить город при устье Ор реки, впадающей в Яик, дабы через то в покое, как оные орды в подданстве содержать, так и коммерцию безопасную в пользу Нашего интереса, и Наших подданных иметь". Нельзя удержаться, чтобы не процитировать еще из этой "Привилегии": "Сему городу, с Богом, вновь строить назначенному, именоваться Оренбург, и во всяких случаях называть и писать сим от Нас данным именем, в котором городе Всемилостивейшее жалуем и даем соизволение всем, и всякого народа Российским (кроме беглых из службы Нашей, и людей и крестьян, в подушный оклад положенных), купечеству, мастеровым и разночинцам, также Иностранных Европейских Государств иноземцам, купцам и художникам (то есть, людям свободных профессий), и тутошним Башкирскому народу, и живущим с ними, и ново-подданным Нашим Киргизским, Каракалпакским народам, и из Азиятских стран приезжим Греком, Армяном, Индейцом (явно Индийцам), Персам, Бухарцом, Хивинцом, Ташкенцом, Калмыкам, и иных всякого звания и веры, приходить селитца жить, торговать и всяким ремеслом промышлять..."

Но перейдем к следующему, Василию Никитичу Татищеву. Он предшественника своего осудил: "Кому это в вину причесть, не знаю, ибо инженерные офицеры сказывают, что о неудобствах Кирилову представляли, да слушать не хотел". А кириловский "первый Оренбург" (крепость Орск) он нашел "в ужасном состоянии: оплетена была

хворостом и ров полтора аршина, а сажен на 50 и рва не было, так что зимою волки в городе лошадей поели".

Татищев предложил в 1739 году строить город на новом месте, которое сам выбрал, между нынешними Орском и Оренбургом, тоже на Яике, у урочища Красная Гора (ныне село Красногор). Был издан указ: "Город Оренбург строить на изысканном месте при Красной горе... Прежний Оренбург именовать Орская крепость". Но по доносам он был отстранен от должности, и через два года его идею воплотили другие.

Однако и это место не подошло. Иван Иванович Неплюев отыскал более подходящее еще западнее, у впадения в Яик реки Сакмары. Тут было поближе к обжитым районам России и примерно посередине недавно образованных яицкой и сакмарской линий крепостей.

И 19 апреля 1743 года Неплюевым был заложен современный Оренбург. А в следующем, 1744 году была основана Оренбургская губерния, и он стал ее первым губернатором.

В Указе, изданном императрицей Елизаветой, говорилось: "В упомянутом городе Оренбурге быть губернии, именоваться Оренбургской губерниею, в ней быть губернатором тайному советнику Неплюеву".

Недаром Петр Великий сказал о нем слова, которые Иван Иванович помнил всю жизнь как награду и напутствие: "В этом малом путь будет".

Любопытно, как описал Неплюев свое состояние, когда он, хоть и гардемарин, но уже 27-летний отец двух детей, вернувшись из-за границы в Россию, должен был представляться Петру Великому: "Не знаю, как приняли оное мои товарищи, а я всю ночь не спал, готовился, как на страшный суд".

Императору он был представлен как один из самых отличившихся за время зарубежной стажировки, а Неплюев плавал на венецианской галере "Жентела" "о 50 веслах и 31 пушке" с экипажем более чем в триста человек и получил специальный аттестат об искусном управлении судном.

На экзамене он отвечал государю бойко и дельно. Высокий, стройный, с умными и добрыми глазами, он очень располагал к себе. Петр был им доволен, дал ему чин лейтенанта и назначил главным командиром над всеми морскими судами, строившимися в Петербурге.

Но через год дал ему новое, очень ответственное назначение - послом в Турцию. Иван Иванович оказался и искусным дипломатом. Он быстро завоевал благорасположение султана Ахмета и стал другом визиря Ибрагим-паши. И это при том, что он на венецианской галере успешно сражался с турецким флотом.

Несмотря на козни английского и французского послов, Неплюев смог добиться заключения мирного договора с Турцией, по которому Россия получила все земли, лежащие на запад от Каспия. Это был

большой успех. За это Иван Иванович получил чин капитана первого ранга и 400 душ крепостных. Правда, после смерти Петра, по навету врагов и завистников, он был арестован, лишен чинов и поместий. Но все же смог оправдаться, все отобранное было ему возвращено.

Тогда-то он и был назначен главным начальником Оренбургского края, занимавшего тогда огромное пространство от Камы до Каспия и от Волги до Тобола. В состав края входили, кроме Оренбургской губернии, еще и Уфимская, Самарская, часть Астраханской, Казанской, Пермской, земля Уральского казачьего войска и Киргизские степи. Окружность всего края составляла 5,5 тысячи верст!

При нем строились Меновой и Гостиный дворы, начал действовать Илецкий соляной промысел, возникли 13 железоделательных и 15 медеплавильных заводов. Да, деятельно взялся за дело губернатор. Через четыре года в Оренбурге было уже 4 церкви, 837 домов, кроме казенных зданий, и 175 лавок. А еще двенадцать лет спустя это уже был один из крупных городов страны: 10 церквей и 2 собора, около 3000 домов. Крепость была обнесена овальным земляным валом, было построено 10 бастионов, 2 полубастиона и четверо ворот.

Оригинален был и план Оренбурга. В новом городе-крепости было мало сквозных улиц, многие улицы были тупиковыми, и это в случае штурма давало возможность успешно отбиваться. Оренбург стал образцовой крепостью. Складывались оборонительные линии, состоявшие из крепостей, прикрывавших стратегически важные направления.

Город очень скоро стал и торговым центром. Тут же ощутилась проблема: денег с юга везут много - северных товаров не хватает. Персидский Надир-шах награбил в завоеванной им Индии столько, что и ему хватало, и рядовые бухарцы и хивинцы приезжали на оренбургский Меновой двор с мешками индийских рупий и слитков серебра. И скупали, обменивали все, что им предлагалось.

По-нашему, был острый дефицит товаров, в основном российских и европейских изделий из металла и тканей. Что делать? И тогда Неплюев послал, тоже по-нашему, в командировки купцов - в Москву, Казань, другие торговые города: уговаривайте срочно везти в Оренбург товары, "иначе азиаты будут отохочены от приезда в Оренбург в большом числе". Помогло. Меновой, и потом и Гостиный дворы стали крупнейшими торговыми центрами.

Иван Иванович был кристально честен и непримирим к порокам. Многие казнокрады, пьяницы, воры лишились при нем своих теплых мест. Он отдал под суд за взятки даже уфимского губернатора.

Судьба Неплюева сложилась благополучнее, чем у предшественников. Ведь Кирилов умер от туберкулеза, в опале. Кстати, не осталось даже исторически достоверного его портрета. Второму отцу-основателю Татищеву, самому, пожалуй, судимому, - на Сред-

нем Урале, где он стал жертвой козней "хозяина Урала" заводчика Акинфия Демидова, а потом временщика Бирона, затем в Оренбуржье, где снова нагадил Бирон, а в конце жизни в Астрахани, где он стал губернатором, - пришлось предстать перед тремя следственными комиссиями, он был оклеветан, отстранен от дел и арестован. И только перед самой смертью он был оправдан и даже награжден орденом Святого Александра Невского. Однако его уже так, говоря современным языком, достали, что он возвратил орден.

Но Неплюев был освобожден от должности губернатора всего лишь по состоянию здоровья в 1758 году. Покинув Оренбуржье, он в конце жизни был пожалован поместьями. Императрица Екатерина милостиво изволила сказать о том, что трудно будет найти ему замену и попросила назвать преемника самому. На что Неплюев ответил достойно: "Нет, государыня, мы - ученики Петра Великого; проведены им через огонь и воду; инако воспитывались, инако думали и инако вели себя, а ныне инако воспитываются, мыслят и инако ведут себя. Итак, я не могу ни за кого, ниже за сына моего, ручаться!"

В умах и сердцах этих трех людей было петровское: "ключ и врата". И они жизни свои положили, чтобы освоить наши степные места, чтобы Оренбуржье стало сначала границей, а потом плацдармом движения в Азию. Краем торговым, славным своими людьми и историей, пашнями и заводами, наукой и культурой.